

Антонова Елена Леонидовна, Антонов Евгений Алексеевич, Таранова Александра Евгеньевна,
Туркина Виктория Григорьевна

КУЛЬТУРОЛОГИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ КУЛЬТУРОЛОГА

В статье рассматривается проблема "культурологического поворота" в отечественной гуманитарной науке. Особое внимание уделяется ситуации и научно-практическим последствиям "замещения" методологии исследования и понятийного аппарата, сложившихся в отечественной научной школе, западными. В условиях, когда в исследовательской практике культуролог сталкивается с реально существующими "методологическим плюрализмом" и понятийным "анархизмом", культурологическое сообщество вправе ставить проблему "методологической травмы". Вытекающая из "методологической терпимости", методологическая травма культуролога становится одной из причин культурной травмы, переживаемой российским обществом в условиях переходности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 19-22. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

24. **John M. C.** Breaking the Heart of the World: Woodrow Wilson and the Fight for the League of Nations. N. Y.: Cambridge University Press, 2001. 456 p.
25. **John M. C.** Woodrow Wilson: A Biography. N. Y.: Vintage, 2009. 702 p.
26. **Keegan J.** The First World War: An Illustrated History. L.: Hutchinson, 1998. 500 p.
27. **President Woodrow Wilson's Fourteen Points (8 January, 1918)** [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/wilson14.asp (дата обращения: 25.08.2017).
28. **Richard B. Speed III.** Prisoners, Diplomats and the Great War: A Study in the Diplomacy of Captivity. N. Y.: Greenwood Press, 1990. 244 p.
29. **Stevenson D.** The First World War and International Politics. Oxford – N. Y.: Oxford University Press, 1988. 392 p.
30. **Willmott H. P.** World War I. N. Y.: Dorling Kindersley, 2003. 319 p.
31. **Zeman Z. A.** A Diplomatic History of the First World War. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 290 p.

**THE GREAT UPHEAVALS OF 1917 IN RUSSIA:
FOREIGN POLICY IMPLICATIONS AND NEW INTERNATIONAL REALIAS**

Avakova Elina Borisovna, Ph. D. in Sociology
Goncharenko Lev Nikolaevich, Doctor in History, Professor
Saint-Petersburg State University of Economics
elina_avakova@mail.ru; lngksp@rambler.ru

The purpose of this work is to consider the consequences of events that took place in 1917 in Russia, which influenced the foreign policy of the Russian state, and also determined relations of the Quadruple Alliance countries and the Entente Allies with Russia from the point of view of the priority of Russia's state interests. The scientific novelty of the study is that on the basis of the analysis of the content of legislative acts, secret documents of the Ministry of Foreign Affairs, as well as of a number of peace treaties and agreements concluded at the intergovernmental level by the representatives of Soviet Russia, the authors reveal the prerequisites for military intervention in Russia, the circumstances of its exclusion from the winning countries in the First World War, as well as the preconditions for the Civil War.

Key words and phrases: Russia; 1917; World War I; revolution; foreign policy; international relations; internal political situation; state interests.

УДК 16; 122/129

Философские науки

В статье рассматривается проблема «культурологического поворота» в отечественной гуманитарной науке. Особое внимание уделяется ситуации и научно-практическим последствиям «замещения» методологии исследования и понятийного аппарата, сложившихся в отечественной научной школе, западными. В условиях, когда в исследовательской практике культуролог сталкивается с реально существующими «методологическим плюрализмом» и понятийным «анархизмом», культурологическое сообщество вправе ставить проблему «методологической травмы». Вытекающая из «методологической терпимости», методологическая травма культуролога становится одной из причин культурной травмы, переживаемой российским обществом в условиях переходности.

Ключевые слова и фразы: культурологический поворот; методологический плюрализм; понятийный анархизм; культурная травма; переписывание истории.

Антонова Елена Леонидовна, к. филос. н.
Белгородский государственный институт искусств и культуры
E-pi-fan@yandex.ru

Антонов Евгений Алексеевич, д. филос. н., профессор
Таранова Александра Евгеньевна, к. соц. н.
Белгородский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина
e.antonov031@yandex.ru; taranova.bsu@yandex.ru

Туркина Виктория Григорьевна, к. филос. н., доцент
Белгородский государственный институт искусств и культуры
veni_vedi_vika@yandex.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ КУЛЬТУРОЛОГА

Принимая во внимание, что в каждую переходную эпоху складывается своя система знания, или «эпистема» (М. Фуко), можно понять, почему уже в первой трети XX столетия, связанного с революционными – мировоззренческими, идеологическими и социальными – трансформациями, начинает остро ощущаться потребность в «культурологической» рефлексии, удовлетворить которую пытаются путем создания новых «инструментов» познания культуры, поиск которых продолжается вплоть до начала 90-х гг. XX столетия. А поскольку

с течением времени эта потребность только усиливается, – на изломе XX столетия российскими культурологами предпринимается попытка вывести культурологию на уровень единой «супернауки», интегрирующей знания о человеке, обществе и культуре [8].

На первый взгляд, появление культурологии как формы научного познания, претендующего на монополию в изучении культуры, должно было быть напрямую связано с философией культуры. Однако проводить такую параллель – все равно что «вести происхождение “философии науки” от аристотелевской логики и метафизики» [6, с. 193]. На самом деле культурология берет начало из лингвистики как «науки о языке и литературе». Еще одним «источником» культурологии становится история культуры – часть исторической науки, связанная с искусствоведением, которая, обнаружив интерес к рассмотрению прошлого сквозь призму духовного опыта человечества, выделилась в самостоятельную отрасль исторического знания. А поскольку в научной иерархии культурология занимает место между философией культуры, изучающей «формы культурной деятельности», и «языком» [8], – ее становление так или иначе связано с процессами, протекавшими в западной гуманитаристике.

Так, в 60-х годах XX столетия, на стыке антропологии и социологии, появляется социальная и культурная антропология, предметное поле которой представляет собой этнографию города, только с более широким, чем классическая этнография, проблемным полем и многообразием методологических школ и направлений. Параллельно в западной философской мысли намечаются специфические новаторские тенденции, которые Г. Бергман назовет «лингвистическим поворотом». Речь идет о ситуации, сложившейся в англо-американской ветви западной философии к середине XX века. Именно здесь на смену эпистемологическому (соизмеряющему) типу рассуждения, присущему классической философии, приходит холистический – контекстуальный и «герменевтический», свойственный американской аналитической философии. Ее представители понимают под философией не поиск истины, а разговор и коммуникацию.

Новая «лингвистическая» или, как определял ее У. Куайн, «семантическая» стратегия американской аналитической философии состояла в переводе сложновыстраиваемого «знания о (чем-либо)» – в упрощенное «знание что» и в «знание как». По своей сути она выступила как проект «деконструкции» классической философской традиции, обремененной, по мнению ее идеологов, такими «пороками», как метафизичность, трансцендентализм и фундаментализм. Так, Ричард Рорти считал, что философ не обязан заниматься поисками гносеологических основ презентации культуры – он должен создавать *свою собственную* маленькую парадигму, свои метафоры и собственную языковую игру. В этом контексте культура перестает быть формой выражения «ментальности» и предстает как результат сугубо языковой деятельности, действующей «поверх барьеров» – «канонов» – национальной (традиционной) словесности.

Иными словами, поскольку в «плане содержания» «лингвистический поворот» был попыткой найти замену «трансцендентальной» установке Э. Канта (в качестве «исходного пункта» философствования избирается не осмысление метафизики сознания, а ее критика, в контексте которой язык выступает как альтернатива последней [3]), то лингвистические понятия «язык», «нарратив» приходят на смену философским понятиям «опыт» («традиция») и «сознание» («мышление»), которые, наряду с понятием «разум», уже активно использовались эволюционной биологией и эмпирической психологией, что традиционно было связано с выдвиганием на первый план философской проблемы «значения».

В целом же обращение к языку означало «поворот» от классической к неклассической философии, «лингвистическая» стратегия которого была направлена на переключение философской рефлексии с «объектов» на «разговор о словах». И хоть словосочетание «лингвистический поворот» использовался для характеристики программной специфики американской аналитической философии, – лингвистическая тематика до конца 1980-х гг. становится доминирующей в философской мысли совокупного Запада.

Однако надеждам «реформаторов» на «деконструкцию» классической философской традиции не суждено было сбыться: социологический, психологический и прагматико-номиналистский аспекты «лингвистического анализа» довольно быстро отходят на второй план, уступая место формально-логическому теоретизированию. Но, несмотря на то, что с конца 1970-х гг. лингвистический анализ культуры подвергается систематической критике, – он оказывает сильнейшее влияние на формирование понятийного и предметного «полей» отечественной культурологии.

Новейшие тенденции в аналитической философии свидетельствовали о наметившейся новой «революционной ломке»: в условиях «реабилитации» классической философии и под влиянием гуманитарных наук в целом в современных западных философских исследованиях можно усмотреть смещение акцента с логического анализа языка и лингвистического анализа культуры на анализ традиционно философских – «континентальных» – проблем.

Схожие тенденции наметились и в российской гуманитаристике, где начиная с 90-х гг. XX в. ведущие позиции занимает культурология. Это можно объяснить прежде всего тем, что только в условиях глобализации, обнажившей противоречия и основные тенденции переходной эпохи, во всей своей целостности и всеобщности «проявляет» себя предмет культурологии – изучение социокультурной «среды как лоно формирования культуры» [5], что позволяет перейти от изучения «человекотворческого» уровня культуры к культуротворческому. Отныне к вопросу «что есть культура?» (эмпирическое описание) прилагается вопрос «почему она такая?» как попытка теоретического обоснования антропологического фактора. А поскольку ответы на эти вопросы зависят не только от философских взглядов на «природу» культуры, но и от идеологических установок, существенно рознящихся у «консерваторов» («почвенников») и «либералов»¹ («западников») от науки, –

¹ Если западные либералы уверены, что наука существует исключительно на Западе, то отечественные либералы-западники от науки искренне верят, что не существует национальных наук, а есть единая – «общечеловеческая» – наука.

следует говорить о «культурологическом повороте» в науке в целом. В условиях социокультурных трансформаций реформируемой России последнее «раскалывает» научное сообщество.

Ситуация раскола усугубляется, когда для культурологических исследований привлекается терминология и методология исследования, выработанная в западной аналитической философии, философии культуры, социологии, социальной и культурной антропологии и др. По сути, вместо интеграции научных школ при проведении исследований с конца 80-х – начала 90-х гг. XX столетия происходит поэтапное «замещение» методологии исследования и понятийного аппарата, сложившегося в отечественной научной школе, западными. В этой связи возникает как минимум две фундаментальные проблемы: первая – в научной практике исследователи перманентно сталкиваются с «методологическим плюрализмом» и «понятийным анархизмом» [7], вторая – игнорируются, что традиции национальных наук имеют не только свои специфические особенности, но и не совпадающие интересы (речь идет, по сути, о рассмотрении культуры с разных методологических позиций, т.е. – сквозь разные «интеллектуальные очки»). Не удивительно, что при решении конкретной исследовательской задачи культуролог оказывается перед выбором, который Дж. Александер называет «эпистемологической дилеммой» [1]. Проблема заключается в том, что при выборе методологии исследования – отечественной или заимствованной («инновационной») – для решения научной задачи исследователь предсказуемо выбирает последнюю. Выбор методологии Дж. Александер и называет не иначе как «*выбор позиции*». Собственно, именно последнее становится актуальной культурологической проблемой, особенно когда речь идет об осмыслении феноменов, свойственных русской культуре. Сформированные на ином историческом и социокультурном материале, категории социально-гуманитарных наук, заимствованных культурологией, далеко не всегда адекватно отражают реалии русской культуры в ее *духовном, социальном и цивилизационном* аспектах [2]¹, отчего западные и современные отечественные исследователи ищут в истории и культуре России те отношения и структуры, которых *не существовало*, упуская из виду *свойственные ей* реалии и явления [Там же]². Сказанное означает, что культурологическое сообщество по примеру социологического [7] вправе ставить проблему «методологической травмы» культуролога.

Одним из симптомов методологической травмы культуролога становится внедрение в научный оборот категориального аппарата, содержащего семантику описания культуры, разработанную с учетом западных «практико-политических» интересов и ожиданий результатов переходного времени. Перенос его на культурную почву России требует *переписывания истории* в терминах западной культуры, что означает не только «сделать» ее таковой, но и отсечь возможность возврата к собственному научному опыту и свойственному ей способу научного мышления. Так *методологическая травма культуролога*, вытекающая из «методологической терпимости», становится одной из главных причин *культурной травмы*, переживаемой не только российским обществом в целом, но и научным сообществом в частности в условиях транзитивности.

Следствием культурной травмы в научном сообществе становятся 1) «схоластическое теоретизирование» и 2) переход на «чужую» точку зрения, что приводит к отрыву от реалий отечественной культуры. Сказанное означает, что культурология нуждается не в подражательном заимствовании, а в культурно-антропологической перцепции – сложном процессе приема и преобразования информации, обеспечивающем объективное отражение реальности [9] – как непосредственной форме познания российской действительности.

В сферу действия методологической травмы культуролога попадает и «культурологическое» понимание антропоцентризма. Философское понимание антропоцентризма кардинально отличается от его культурологической «интерпретации». Философия была направлена на выявление реального антропологического измерения культуры: в ходе истории философия сначала изучается то, что было создано без участия человека, – природный мир, затем созданное самим человеком – мир культуры, далее – духовный мир человека. И только в рамках культурологии начинает изучаться «материальная природа человека» – его телесность, во всех ее «постмодернистских» аспектах. Так, в условиях «культурологического поворота» устраняется проблема духовности в культуре, традиционно реализуемая в бинарной оппозиции «человек и культура», «культура и цивилизация». Как и в западной научной традиции, культура начинает рассматриваться исключительно с позиций «индивид в культуре» и «культура в цивилизации». Сказанное означает, что человек, по сути, перестает быть творцом и целью культуры, что отражает основные тенденции в еще только зарождающемся «глобальном» общественном сознании, означающие переход не к «пост-», а к «контр-культуре».

Хоть такая постановка проблемы понимается как «удачный ход» в направлении построения глобальной «общекультуры», – на самом деле она означает «устранение» идентичности, что в реальности ликвидирует исторически сформировавшееся в рамках этнических и национальных образований единое «культурно-смысловое» пространство. Последнее резко сужает мир каждого конкретного человека до масштабов личностного мировосприятия и вырывает его из контекста «всеобщего бытия», обрекая на реальное одиночество. Это не только превращает повседневную жизнь индивида в «бессмысленность, доходящую до абсурда», но и лишает социум способности коллективного созидания, а значит – перспективы развития, погружая в состояние «контр-культуры». Для России такая перспектива означает закат цивилизации.

На основании изложенного можно констатировать, что состояние «методологической терпимости», собственно порождающей культурную травму, должно сменяться состоянием избирательности в выборе методологии и методов познавательной деятельности. Речь должна идти о 1) «построении» «языка» культуроло-

¹ В основании русской культуры и цивилизации лежала не городская, как на урбанистическом Западе, а деревенская культура, получившая статус традиционной народной.

² Особый интерес в этой связи вызывают работы П. А. Сорокина, который считал, что рассматривать русскую и любую иную культуру необходимо только отбросив сложившиеся стереотипы и клише.

гического исследования как понятийной системы, 2) экспликации базовых понятий, 3) взаимообусловленности и взаимоопределенности методов и 4) методическом симбиозе, позволяющем не только осуществить «интегративное» изучение культуры и ее феноменов как части и целого, но и решать актуальные проблемы теории и истории последней. Только при условии минимизации методологической травмы культуролога – как результата «культурологического поворота» – история и культура, традиционно выступавшие своеобразными «скрепами» социума, не превратятся в «механизм» его разобшения.

Список источников

1. **Александр Дж.** Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума / пер. с англ. И. В. Девятко, М. С. Добряковой // Социология: методология, методы, математические модели. 2004. № 18. С. 167-204.
2. **Антонова Е. Л.** Народная художественная культура. Актуальные проблемы теории и истории культуры: учеб. пособие для магистрантов вузов культуры и искусств. Белгород, 2015. 444 с.
3. **Белоус И. А., Хомич Е. В.** Ричард Рорти. Мн., 2008. 190 с.
4. **В перспективе культурологии: повседневность, язык и общество.** М.: Академический проект, 2005. 593 с.
5. **Виктор Александрович Штоф и современная философия науки.** СПб., 2006. 482 с.
6. **Мареев С. Н.** Начало и конец «философии науки» // Свободная мысль. 2006. № 4. С. 192-208.
7. **Татарова Г. Г.** Методологическая травма социолога. К вопросу интерпретации знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3-12.
8. **Флиер А. Я.** Культурология как гуманитарная наука // Обсерватория культуры. 2004. № 3. С. 160-161.
9. <https://vocabulary.ru/termin/percepcija.html> (дата обращения: 02.11.2017).

CULTUROLOGY THROUGH THE PRISM OF CULTUROLOGIST'S METHODOLOGICAL TRAUMA

Antonova Elena Leonidovna, Ph. D. in Philosophy
Belgorod State Institute of Arts and Culture
E-pi-fan@yandex.ru

Antonov Evgenii Alekseevich, Doctor in Philosophy, Professor
Taranova Aleksandra Evgen'evna, Ph. D. in Sociology
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
e.antonov031@yandex.ru; taranova.bsu@yandex.ru

Turkina Viktoriya Grigor'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Belgorod State Institute of Arts and Culture
veni_vedi_vika@yandex.ru

The article examines the problem of “culturological turn” in the domestic humanities. Special attention is paid to the situation and scientific-practical consequences of “substitution” of domestic research methodology and conceptual apparatus for Western. Under the conditions of actual “methodological pluralism” and conceptual “anarchism” culturological community is justified to speak of “methodological trauma”. Conditioned by “methodological tolerance”, culturologist’s methodological trauma becomes one of the causes of cultural trauma experienced by the Russian society in the transitional period.

Key words and phrases: culturological turn; methodological pluralism; conceptual “anarchism”; cultural trauma; rewriting history.

УДК 167.7

Философские науки

Статья посвящена анализу стратегии формализации и аксиоматизации научного знания, предложенной в рамках программы логического позитивизма. В работе рассматривается связь между эпистемической и формально-логической частями указанной программы, а также формулируются основные проблемы, связанные с предложенным (стандартным) способом формализации научных теорий. Подчеркивается основополагающая роль программы логического позитивизма в развитии современной формальной философии науки и, в частности, в становлении теоретико-множественной (семантической) стратегии аксиоматизации научных теорий.

Ключевые слова и фразы: стандартная трактовка теории; стандартная формализация теории; аксиоматизация теории; постулаты теории; наблюдаемые следствия; правила соответствия; модель теории.

Архиереев Николай Львович, к. филос. н.
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
arkh-nikolaj@yandex.ru

ЛОГИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ФОРМАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Программа обоснования научного знания, предложенная логическим позитивизмом, предполагала решение ряда фундаментальных эпистемических и формально-логических задач. К основным эпистемическим задачам